

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос = Рус) 6
И89

Серия «Записки музыканта»

Дизайн обложки и внутреннее оформление: *Юлия Межова*

И89   **Исупова, Лада Семеновна**
Мастер-класс. Записки концертмейстера балета / Лада Исупова. — Москва: Издательство АСТ, 2015. — 414, [1] с. (Записки музыканта).

ISBN 978-5-17-091422-7

Перед вами истории — смешные, грустные, поучительные, неизменно интересные и погружающие в волшебный мир музыки, рассказанные человеком уникальной профессии — концертмейстером балета.

Вы когда-нибудь смотрели спектакль не из зрительного зала, а из-за кулис? А бывали на репетиции или на уроке? Хотите заглянуть? На страницах этой книги автор проведет вас через «служебный вход» и вы окажетесь внутри учебного процесса, обычно скрытого от посторонних глаз.

В сборник вошли рассказы не только о профессионалах или учениках, но и о людях, для которых музыка или танец не профессия, а хобби, страсть, часть жизни. Впрочем, часто автор сам чувствует себя учеником, который пытается разобраться в новом для него мире — мире танца.

Книга вошла в шорт-лист национальной литературной премии «Рукопись года».

Подписано в печать 21.04.15

Формат 70 × 108¹/₃₂. Усл. печ. л. 18,2.

Тираж экз. Заказ

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Л. Исупова, текст, 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2015

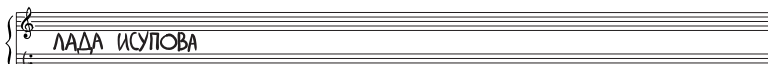
ЧИТАТЕЛЮ, СЛУЧАЙНО ЗАЦЕПИВШЕМОУСЯ ВЗГЛЯДОМ ЗА ЭТУ КНИГУ, или ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Вас утомили инопланетяне, вампиры и надуманные страсти? Тогда вы на правильном пути — эта книга для вас.

Вам надоели привычные будни и хочется заглянуть в совсем другую жизнь? Тогда идите за мной, и увидите, что рядом с вами, на каждом шагу, сотни параллельных миров, о которых вы даже не подозревали, и каждая вселенная огромна, самодостаточна и живет по своим законам. Я познакомлю вас с одним из этих миров, не только фантастика обещает неизведанное.

Вы любите танец и вечерами, вместе с каблуками сбросив заботы дня, достаете балетки, джазовки, испанские, какие угодно мягкие туфли и спешите в зал, где все так не похоже на то, что было с утра, и все дышит иной страстью — танго? фламенко? сальса? балет? Или ваше тело не желает больше никакой обуви — модерн? контактная импровизация? — и душа начинает рассказывать о себе иным языком, минуя слова? Тогда не выпускайте эту книгу из рук — мы с вами говорим на одном языке.

Вы вообще ничего не понимаете ни в танце, ни в музыке, и не нужен вам весь этот джаз? Смелее, не бойтесь, я обе-

щаю, что не скажу ни одного заумного слова, а немного расскажу о том, что меня некогда удивило-зацепило, показалось необычным или смешным, и не только в балете, а вообще, в моей нынешней жизни, а живу я сейчас в Америке, работаю концертмейстером балета в разных учебных заведениях и даю частные уроки по классу скрипки и фортепиано. Не хотите о музыке? Тогда я расскажу старую историю тибетского монаха, вам не придется скучать.

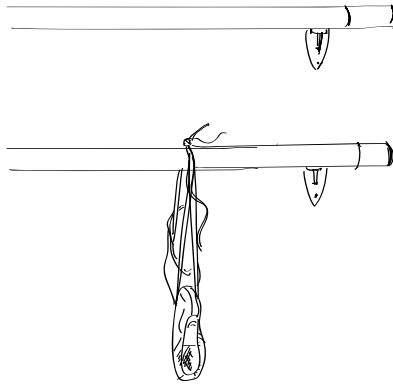
Вы — концертмейстер балета? Моя книга для вас и о вас, коллега. О нашей непростой профессии, балансирующей между двумя безднами — Музыкой и Танцем, и соединяющей их.

Вы преподаете танец? Что ж, вам будет интересно взглянуть на себя со стороны и, возможно, мое имя — всего лишь псевдоним вашего концертмейстера, который молча смотрит на вас изо дня в день? Или хотите посмотреть на мастер-классы именитых танцоров? Я с радостью поделюсь своей коллекцией — это мало с чем сравнимое удовольствие — работать с интересным педагогом. Имена я меняю, названия известных компаний — чаще тоже, но вы поймете, что к чему.

Эта книга для всех, кому нравится сценическое искусство, но хотелось бы также побывать в репетиционном зале и посмотреть на процесс изнутри.

Кто бы ты ни был, мой читатель, смело иди за мной, я постараюсь не разочаровать.

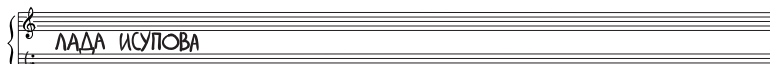
АУКЦИОН

Это было сногсшибательное мероприятие, которое устраивала местная балетная школа, — аукцион в пользу заведения. Пригласили всех действительных и потенциальных спонсоров, родителей и состоятельных людей города. Готовились серьезно. Силами школы и привлеченных родственников: ужин, программа, джазовое трио, лоты — произведения, так сказать, искусства, все очень старались, денег вбухали немерено. Меня ангажировали играть два номера танцующим девочкам.

Приехала, поздоровалась, послонялась. Вечер в разгаре.

Сцены нет — один огромный зал, в торце освобождено место для выступлений, играет бэнд: саксофон, гитара и ударник. Пойду, думаю, погляжу на свой

инструмент, примерюсь. Неделю до этого о нем шли долгие переговоры — заказывали синтезатор. Конферансье (он же организатор, он же чей-то папа, в миру завкафедры какой-то древнющей литературы) — живописный мужчина лет пятидесяти пяти, в костюме и длинном шелковом шарфе от колена до колена. Поговорили, показал лежащий на полу синтезатор. Я начала расстраиваться: клавиши не натурального размера, чуть-чуть меньше — если играть на автомате, то рука берет привычный аккорд, а он не там... Конферансье поизвинялся, ну какой с него теперь спрос? Ладно. Сказал, что сейчас что-то там подсчитывают, а потом, под фанфары, и будет наш выход.

Стали устанавливать синтезатор. Подставка плохая, неустойчивая, буквой Х, на уровне чуть выше моего колена. Это ладно, поднимут (блажен кто верует). Принесли стул, постучали по клавише, и вроде всё, начали уходить. Как? Подхожу:

— Простите, а педаль есть?

Конферансье долгим страдающим взглядом посмотрел на меня.

— Есть. Но я ее дома забыл.

— Как?!

— К сожалению.

— Ох, но это единственное, что я просила, — размер клавиш и педаль! К клавиши — маленькие, ладно, но педаль?!

— Пожалуйста, умоляю, без педали тоже хорошо! Рядом слонялся с бокалом мужчина из совета директоров, от скуки заинтересовавшись нашим диалогом, подошел:

— У вас проблемы?

Одновременно:

— Да!

— Нет!

— Это ужасно: педали — нет, клавиши маленькие!

— Нет, не маленькие!

— Нет, маленькие!

— Нет, не маленькие!

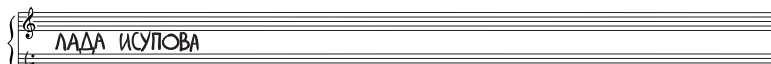
Прибилось еще человек пять, обрадовавшись, что есть чем заняться. Все когда-то на чем-то играли, и началась развлекательная дискуссия на тему «маленькие — не маленькие». Я побежала искать директрису, жаловаться: клавиши маленькие, педали нет, как играть? Она всплеснула руками:

— Что, совсем нельзя играть?

— Играть можно (памятуя Григоровича¹) — слушать нельзя. А главное — как танцевать под это?

---

¹ Отсылка к знаменитому ответу Григоровича на вопрос: «А что, разве артисту нельзя танцевать в 50 лет?» Ответ был такой: «Танцевать можно сколько угодно, смотреть нельзя!»

Это же детский инструмент, еще неизвестно, какая у него громкость на такой громадный зал.

— Он не детский, — подскочил конференсье, — это «Ямаха», профессиональная модель, как просили. Пойдемте, прошу вас, все будет хорошо.

Все вокруг начали уговаривать, что без педали — хорошо, а размер клавиш — может, и плохо, но расположение-то такое же, а это главное, и зря я расстраиваюсь.

Возвращаемся к спорщикам. Увидев меня, они поспешили оповестить:

— Мы решили, что клавиши нормальные.

— Я рада.

Страдальчески оглядываю синтезатор. Мужчина из совета директоров с радостной готовностью:

— Что теперь не так?

— О, господи! А где подставка для нот?!

Конференсье умоляюще:

— Вы не запрашивали подставку для нот!

— Но я не думала, что ее нет, она мне нужна!

Мужчина из совета:

— Зачем?

— А как в ноты смотреть?!

— Играйте наизусть.

— Я не знаю наизусть! Мне нужна подставка!

— Ну вы придира!

— Нет, не придира, я на все уже согласна, но как я буду смотреть в ноты?!

— Я могу держать их.

Прекращаю заламывать руки и впериваюсь в него. Он молча кивает.

— Давайте сюда ваши ноты.

Даю распечатанные листочки.

— Где держать?

Показываю пальцем. Медленно, с достоинством обходит синтезатор и встает в указанном месте. Зрелище не для слабонервных.

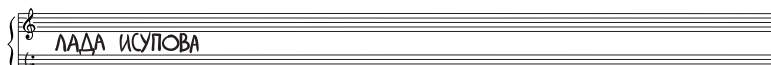
— Все нормально. Я еще буду переворачивать вам листы.

— Могу себе представить.

Обрадованный конферансье начинает бурно благодарить, расстраивать его не хватает духу. Обреченно напоминаю, что пианинку надо бы приподнять.

— Конечно, это пара секунд, сейчас!

И начинается возня с синтезатором. Стою рядом, смотрю по сторонам, идти мне, собственно, некуда. Копошение у подставки затягивается, но не придаю этому значения. Потом чувствую, все затихло, смотрят на меня. Поворачиваюсь, точно: один лукаво, другой страдальчески, взъерошенная прядь упала на лоб.

— Что?!

— Послушайте... а что, на такой высоте совсем нельзя играть?

— Что? Вы что, издеваетесь надо мной?! А на чем мне сидеть?! Нет, это невозможно! Это невозможно! А почему нельзя подставку поднять?!

— Тут заело, нужны плоскогубцы, оно не отворачивается.

Какая-то женщина с виноградом заметила:

— А переверните подставку на попá. Будет выше.

— Гениально, спасибо, ура!

Переворачивают. Стою мрачно, как Станиславский, уже не верю ни во что. Получилось горкой: правая сторона выше, чем левая.

— И что это? Как играть?!

— Это ерунда, это почти не видно! Попробуйте, пожалуйста, попробуйте!

Чтобы не выглядело, будто я капризничаю, прошлась по беззвучным клавишам.

— Нет, это невозможно, когда начну играть в темпе, будет мешать, это же правая рука.

— Мы перевернем наоборот, под левую, — с надрывной готовностью предложил конферансье.

— Да какая разница?!

— А давайте подложим ей что-нибудь под правые ножки стула, тогда правая рука будет на нужной высоте, — пошутил советник.

Конферансье с обожанием посмотрел на него.

Нет, всё, мое терпение лопнуло, я повертела головой в поисках директрисы и только собралась к ней рвануть, как конферансье цепко схватил меня за локоть:

— Я вас очень прошу, очень прошу! Сыграйте, пожалуйста, я не смогу пережить, если подведу столько народу! Все так ждали, девочки так готовились, это ужасно, это ужасно, и я один во всем виноват! Я готов сделать что угодно, ну давайте, я буду держать левую сторону синтезатора, чтобы было ровно?

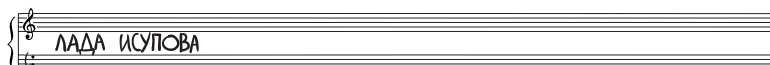
Моя гневная решительность была сбита, я уставилась на него. Понятное дело, отказать ему язык не поворачивается, но играть, когда один — ноты держит, другой пианинку на весу... это как-то за пределами, все-таки не варьете. Они, почувствовав, что я сдаю оборону, стали говорить больше и разом, я перестала понимать.

— Нет, — начала я растерянно, — это невозможно. Вы будете качаться и шевелиться, я буду путаться.

— Мы не будем даже дышать!

— Но представляете, как это будет смотреться со стороны?

— Я скажу очень проникновенную речь, очень, вот увидите! Публика будет в полном восторге, это я обещаю! У нас нет выхода — девочки должны станцевать!

Совсем расстроившись, я отошла от них подальше (вдруг еще чего выкинут), отправилась искать директрису. Она давала последние напутствия девочкам, они были уже одеты, точнее, конечно, раздеты — одним словом, готовы к выходу. Стоят, как всегда, хихикают, волнуются, мерзнут. Стоим с ними, болтаем, ждем команды и вдруг видим: бежит к нам конференсье. В таких случаях обычно говорят: лица на нем не было. Но у него было лицо — у него было страшное лицо! Я сжалась: господи, что еще? Там больше нечему случаться! Максимально вжалась в стену, чтобы дать ему без помех промчаться мимо, но случилось худшее: он бежал ко мне.

— Это катастрофа! Нет адаптера!!!

Я не знала, что такое адаптер, поэтому его отсутствие меня не огорчило:

— Ничего, не расстраивайтесь.

Он, сбиваясь, объяснил, что без него система вообще не работает. Никак. Я в душе вздохнула с облегчением и пошла искать директрису. По пути наткнулась на вездесущего советника, сказала, что все, нет адаптера.

— Послушайте, — ответил он, — вы уже согласились играть без стольких этих штук, а сейчас опять уперлись! Сыграйте, а? Я так понял, что вы можете играть и без всего этого.

Пришлось объяснять, что я уже согласилась играть и без адаптера тоже, но теперь проблемы у концерансье.

Началось нервное совещание. Варианты были: послать за адаптером и ждать или отменять выступление. Я предложила сгонять домой за дисками с балетной музыкой, по дороге я бы подобрала подходящий вариант. Но директриса, подумав, отказалась:

— Видишь ли, мы единственная компания в округе, которая работает только под живую музыку, и здесь все наши спонсоры, которых мы убеждаем, что это необходимо. Я специально готовила так, чтобы номер был не под запись, мне необходимо сегодня — под пианиста. Ты можешь ждать?

— Подожду, конечно.

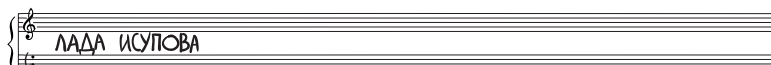
Конферансье сказал короткую блестящую речь, и публика прокричала в ответ:

— Конечно, подождем!

Началось ожидание.

Музыканты заиграли, кто танцевал, кто слонялся, концерансье периодически развлекал публику, как мог.

Минут через двадцать он подошел ко мне и поделился терзающей его тайной: он не был уверен, что

адаптер дома (куда рванула жена). Он не помнит, видел ли его вообще.

Так...

— Тогда давайте скорее скажем директрисе об этом, нужно же как-то подготовиться, если что?!

— Нет! Еще есть надежда, возможно, это я просто нервничаю.

Ничего себе! Теперь нервничать стали вместе.

Послonyaвшись еще минут десять, подхожу:

— Какие новости, вы звонили жене?

— Да! Она забыла свой мобильный здесь, вот он.

Подходит несчастная директриса:

— Сколько еще ждать? Публика расходится, девочки мерзнут.

Конферансье разразился стенаниями и извинениями. И тут мне приходит гениальная идея:

— А давайте попросим музыкантов сыграть нам?! Они ж импровизаторы, они все могут!

— А они согласятся?

— А куда им деваться? Это будет феерически! Все недостатки спишутся на экспромт, родители будут счастливы, публика в восторге, трогательность момента добавит остроты, а потом все только об этом и будут говорить!

Мы плотоядно посмотрели на музыкантов и стали брать их в кольцо.

Директриса нанесла первый удар:

— Помогите, спасите, выручите, наша жизнь в ваших руках!

Они растерялись. Директриса добила:

— Девочки замерзают на цементном полу, публика ждет, нужно сыграть, иначе отсюда никто не уйдет.

— Но у нас нет опыта игранья балета, — испуганно произнес честный ударник.

— С завтрашнего дня можете вписать в свое резюме, что есть! — выхожу на арену я. — Это очень просто, я сейчас все объясню.

Директриса ободряюще мне кивает и отступает назад, но далеко конвоиры не отходят. На всякий случай. Хотя, надо заметить, музыканты и не предпринимали попыток к бегству, они оказались гораздо стоворчивее меня. И я скороговоркой начала курс молодого бойца:

— Играть нужно две вещи. Первая — медленная, сладкая, романтическая, четыре четверти.

— Напайте, — сосредоточенно сказал саксофонист, прижевываясь к саксофону, — я попробую запомнить.

— Не надо, играйте свое, что привыкли, главное, чтобы было красиво, без напряжения.

— Все равно спойте, мы возьмем ваш ритм.

Запела искомое па-де-де из «Дон Кихота». Через пару тактов осенило — ритмический рисунок там один в один — «Love Me Tender» от Элвиса Пресли. Забавно.